

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2499_9679_2023_4_35_24
EDN: ZDUTIK

Тема предназначения поэта и поэзии в лирике Леонида Завальнюка

Виктория Дмитриевна Гавриленко

Старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного, Благовещенский государственный педагогический университет. 675000, г. Благовещенск, ул. Ленина, д. 104
gin_kitsune@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1489-1196>

Аннотация. Данная работа посвящена изучению темы поэта и поэзии в лирических произведениях Леонида Завальнюка. Это одна из важнейших тем для русской литературы, к ней обращались многие поэты, среди которых А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, С. А. Есенин, В. В. Маяковский и др. Завальнюк является продолжателем этой литературной традиции. Тема поэта и поэзии многоаспектна, Завальнюком поднимается проблема взаимоотношений поэта и читателя, проблема природы поэзии и поэтического дара, проблема предназначения поэта.

О проблеме непонимания поэта своими современниками писали еще Пушкин, Лермонтов, но у Завальнюка проблема рассматривается совсем под иным углом. Он признает право читателя не понимать поэта, быть далеким от поэзии, быть привязанным к материальному, вещному миру. При этом в нем живет вера в будущее поколения, которые поймут поэзию, заложенную в нее идею. Завальнюк в большей мере сфокусирован на фигуре самого поэта, долг которого – быть верным своему дару, быть честным перед собой и читателем.

Чуткость, ранимость и способность сочувствовать – вот те качества, которыми, по мнению Завальнюка, необходимо обладать поэту, чтобы понять мир, почувствовать его боль и откликнуться. Предназначение поэта Завальнюк видит в спасении человеческой души, в поддержке, что может дать поэзия для отчаявшегося. В мировоззрении Завальнюка поэт подобен врачу, спасающему жизни.

Акт создания нового произведения для Завальнюка подобен рождению ребенка, два стихотворения 1959 и 2009 годов он так и назвал – «Рождение стиха». Создавая, поэт вкладывает в поэзию весь свой жизненный опыт, опустошая себя до основания. Но только так, по мысли Завальнюка, можно создать «живое стихотворение».

Ключевые слова: Леонид Завальнюк; лирика; русская поэзия; тема поэта; тема поэзии; предназначение поэзии; архив поэта; лирический герой

Для цитирования: Гавриленко В. Д. Тема предназначения поэта и поэзии в лирике Леонида Завальнюка // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 4 (35). С. 24–31.
http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_24. <https://elibrary.ru/ZDUTIK>

Original article

The theme of the poet and poetry's mission in the poems by Leonid Zavalnyuk

Victoria D. Gavrilenko

Senior lecturer at the department of russian as a foreign language, Blagoveshchensk state pedagogical university. 675000, Blagoveshchensk, Lenin st., 104
gin_kitsune@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1489-1196>

Abstract. This paper focuses on studying the theme of the poet and poetry in Leonid Zavalnyuk's lyrical poems. This is one of the most important topics for Russian literature, which was addressed by many poets, among whom are A. S. Pushkin, M. Y. Lermontov, S. A. Esenin, V. V. Mayakovsky and others. Zavalnyuk continues this literary tradition. The theme of the poet and poetry is multidimensional and Zavalnyuk raises several problems: the relationship between the poet and the reader, the nature of poetry and the poetic gift, the poet's mission. Pushkin and Lermontov wrote about misunderstanding between poets and their contemporaries, but in Zavalnyuk's poems the problem is viewed from a completely different angle. He recognizes the reader's right to misunderstand the poet, to be far from poetry, to be attached to the material, thing world. At the same time, he has faith in future generations who will understand the poetry and the idea it contains. Zavalnyuk focuses more on the figure of the poet himself, whose duty it is to be committed to his gift, to be honest to himself and the reader.

According to Zavalnyuk, the poet should be sensitive, vulnerable and sympathetic in order to understand the world, feel its pain and be responsive. Zavalnyuk sees the poet's mission in salvation of the human soul, in the support that poetry can give to those in despair. In Zavalnyuk's worldview, the poet is similar to a doctor who saves lives.

For Zavalnyuk, the creation of a new poem is like the birth of a child, so he called his two verses of 1959 and 2009 *The Birth of a Poem*. When writing, the poet puts all his life experience into poetry, emptying himself completely, but only in this way, in Zavalnyuk's opinion, can a «living poem» be created.

Key words: Leonid Zavalnyuk; lyrical poetry; russian poetry; theme of the poet; theme of poetry; purpose of poetry; the poet's archive; lyrical hero

For citation: Gavrilenko V. D. The theme of the poet and poetry's mission in the poems by Leonid Zavalnyuk. *Verhnevolski philological bulletin*. 2023;(4):24–31. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.20323/2499_9679_2023_4_35_24. <https://elibrary.ru/ZDUTIK>

Введение

Тема поэта и поэзии является одной из традиционных для русской литературы. Более того, это одна из вечных тем в мировой литературе. Интерес к данной теме вызван стремлением авторов осознать свою роль в жизни общества, осмыслить предназначение создаваемых произведений и постичь природу вдохновения, таланта, той силы, что отличает поэта от других людей.

Тема поэта и поэзии вызывает интерес как у отечественных (Л. В. Гайворонская [Гайворонская, 2011], Т. М. Геворкян [Геворкян, 2017], В. В. Дементьев [Дементьев, 1982], О. В. Журавлева [Журавлева, 2006], Ю. А. Розонова [Розонова, 2015], Э. В. Слина [Слина, 1987], В. С. Соловьев [Соловьев, 1991]), так и зарубежных учёных (Клайв Буш [Буш, 2010], Уолтер Хинк [Хинк, 1994], Лудгер Удольф [Удольф, 1992]), отмечающих многогранность данной темы в литературе.

В нашей статье мы обратимся к лирике советского и российского поэта и прозаика Леонида Завальнюка (1930–2010), рассмотрим, как данная тема представлена в его творческом наследии, выделим ее основные аспекты, а также проанализируем влияние русской классической литературы.

Основная часть

Взаимоотношения поэта и «толпы»

В рамках темы поэта и поэзии Леонидом Завальнюком поднимаются различные проблемы, в том числе взаимоотношение поэта и «толпы», о чем писали еще А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов.

Если обратиться к стихотворению Пушкина «Поэт и толпа» (1828), то становится очевидным открытый конфликт между обществом и поэтом, который страдает от непонимания, от неспособности «черни» оценить его искусство. А «чернь» в свою очередь упрекает поэта в бессмысленности и бесполезности его труда, который не приносит материальных благ:

Поэт по лире вдохновенной
Рукой рассеянной бряцал.
Он пел – а хладный и надменный
Кругом народ непосвященный
Ему бессмысленно внимал.

И толковала чернь тупая: <...>
Как ветер, песнь его свободна,
Зато как ветер и бесплодна:
Какая польза нам от ней?»
[Пушкин]

Непризнанный и непонятый читателями поэт познает боль разочарования. Лирический герой – поэт – теряет веру в людей, их уже ничего не может спасти, они остаются глухи к его высоким устремлениям:

Подите прочь – какое дело
Поэту мирному до вас!
В разврате каменейте смело,
Не оживит вас лиры глас!
[Пушкин]

О положении поэта в обществе напишет и Завальнюк в стихотворении «Поддавшись черному неверью...» (1962). Оно написано в форме обращения поэта к поэту:

Поддавшись черному неверью,
Мрачней осеннего дождя,
Ты театрально хлопнул дверью,
Из тесных рамок выходя.
Конечно, важно видеть лица,
Ловить душой сиянье глаз,
Но все же как ты можешь злиться
На отвернувшихся от нас?
[Завальнюк, 1962, с. 57]

Лирический герой, сам являясь поэтом, обращается к товарищу по перу. Признавая, как важно быть принятым обществом, как велика по-

требность быть понятым, он укоряет его. Поддавшись отчаянию, творец отказывается от своего предназначения, тем самым предавая себя самого. Для лирического героя недопустимо отклониться от людей, отказаться от них.

Эта мысль, что долг поэта – сделать людей лучше, направить их и помочь, а сам поэт подобен пророку, указывающему людям путь, прозвучит в стихотворении «Ты – почта жизни...» (1966). По мысли Завальнюка поэт во что бы то ни стало, любой ценой: силой ли, уговорами, лаской, но должен привести читателя к просветлению:

Вот твой читатель.
Бей без промедленья!
Посулы сыпь, и пестуй, и мани,
Но доконай его, каналью, дотяни,
Не дай ему уйти от просветленья!
[Завальнюк, 1966, с. 14]

Тяжкое бремя поэта передается через использование разговорной, просторечной лексики: «Но доконай его, каналью, дотяни». Читателя, так ловко ускользающего от поэта, автор называет «каналей» – мошенником, плутом. Такое шутивно-бранное обращение снижает возвышенный пафос стихотворения, переводя повествование на мирской уровень, добавляет ироничности, свойственной Завальнюку.

Однако, смена тональности не преуменьшает значимости поэта для общества. Наоборот, автор подчеркивается взаимосвязь дара и долга поэта перед миром: «Чем выше дар, тем каторжней закон!» [Завальнюк, 1966, с. 14]. Поэт здесь подобен врачу, что не имеет права оставить больного:

И, как твоя судьба ни накренился,
Уж не имеешь права уставать
Ни от того, что есть,
Ни от того, что снится,
Как не имеет права бастовать
Единственная в городе больница!
[Завальнюк, 1966, с. 14]

Лирический герой Завальнюка в отличие от героев Пушкина и Лермонтова не теряет веру в людей: пусть не сегодня, но наступит время для поэзии:

Пускай духовной бакалеей
Отгородился их мирок, –
В четвертом, в пятом поколеньи

Пробьются ритмы лучших строк.
[Завальнюк, 1962, с. 57]

Но, как и Лермонтов в стихотворении «Поэт» [Лермонтов, 1989, с. 27–29], Завальнюк обвиняет современных писателей в том, что они отреклись от своего предназначения, променяв его на деньги и славу:

А ты...
За славой, как за бабой,
Тебя ненастье понесло.
Ты сделал промыслом, забавой
Свое святое ремесло. <...>
Ты не себя,
Ты дух свой предал,
И нет прощенья тебе!
[Завальнюк, 1962, с. 58]

Обращаясь к проблеме взаимодействия поэта и читателя, Завальнюк в большей мере сфокусирован на личности поэта, нежели чем на фигуре читателя. Даже спустя столетия ситуация не изменилась: поэт по-прежнему оказывается непонят своим поколением, но если в произведениях Пушкина, Лермонтова показан острый неразрешимый конфликт между обществом и поэтом, показано разочарование, то Завальнюк принимает сложившуюся ситуацию как данность, относясь к ней философски. В нем жива надежда на то, что в будущем стихи будут поняты, приняты, признаны, а сейчас, в настоящем времени, долг поэта продолжать творить, продолжать писать не ради славы, признания, денег, а ради высшей цели – сделать мир лучше, помочь человечеству сделать свое существование осознанным, осмысленным.

Показательно в этом плане стихотворение Завальнюка «А зря вы меня обличаете». При жизни оно не было опубликовано, но сохранилось в рукописном архиве поэта [Гавриленко, 2018, с. 62; Киреева, 2018, с. 57–64]. На сегодняшний день установить точную дату создания стихотворения не представляется возможным, но самим автором указан период – 1949–1958 годы:

А зря вы меня обличаете,
Ей-богу же, смысла нет.
Не нравится – не величайте,
Я знаю, что я не поэт.
Не тонко пишу и чувствую,
Не понял сути земной.
Я не поэт, я предчувствие
Того, кто идет за мной.

Уже на раннем этапе своего творчества Завальнюк вступает в диалог с невидимым читателем, в котором себя воспринимает критично, с ноткой иронии, обходится без возвеличивания и идеализирования своей фигуры поэта, признавая поэтическое несовершенство. Но вместе с тем он верит в неповторимость своего пути: «Я сам за собой иду!», читатель же остается в своем праве на критику и неприятие.

Предназначение поэзии

Работая с архивом, в одной из тетрадей нами были обнаружены размышления Леонида Завальнюка о природе дара поэта: «Приобщение к поэзии подобно насильственному лечению. Чуткость поэта заключается в том, что он болеет всеми болезнями века, пусть в легкой, экспериментальной форме, но все-таки болеет». Для того, чтобы писать поэту необходимо чувствовать свою причастность к миру, болеть за него, сопереживать. Как напишет Завальнюк в одном из стихотворений: «Ранимость – благо для поэта» [Завальнюк, 1966, с. 23]. И если одни творцы испытывают потребность в уединении, отшельническом образе жизни, то Завальнюк нуждается в окружающем мире, в общении с ним, жаждет человеческих страстей. В опубликованном уже после смерти Завальнюка стихотворении «Поэт» (2019) выделяется схожая с ранимостью и чуткостью важная для поэта черта – сочувствие:

Он грустен потому, что с давних лет
Сочувствие вошло в его сознание,
Как тяжкий крест
И как насущный хлеб,
Как радость бытия и инструмент познания.
[Завальнюк, 2019, с. 617]

Обладая этим комплексом качеств, поэт оказывается способен познавать и понимать мир, отзываться на чужую боль. Но для чего ему дана эта способность? Какую цель преследует поэт? Ради чего он пишет?

В творчестве Завальнюка, как в лирике, так и в прозе, одним из ключевых мотивов являются мотивы сиротства и одиночества. Леонид Завальнюк на собственном опыте прочувствовал эту тяжесть бытия: отсутствие поддержки семьи, духовное одиночество. Через свои стихи он не раз говорит с читателем, как это важно иметь друга – духовно родственного человека («Сиротским сердцем на стезе земной...») [Завальнюк, 1970, с. 40], «Ищу я человека меж людьми...»

[Завальнюк, 1970, с. 70–71], «Зимняя песня» [Завальнюк, 1982, с. 37]).

Пронесший через всю жизнь чувство одиночества в этом мире поэт, как никто другой понимает отчаяние и боль людей, оставшихся один на один со своим горем. Оттого творчество для него это возможность оказать поддержку нуждающимся, тем, кто также одинок, как и он сам:

... Случалось ли подслушать вам, как говорит хирург,

Окинув швы на обречённом теле:

– Я сделал всё что мог... Ну а теперь, мой друг,

Проси родных, чтоб за тебя болели.

А если нет родных, как нет у большинства?
<...>

Тогда поэт по праву вечного родства

Горит за них и корчится от боли.

[Завальнюк, 2019, с. 617]

Лирические произведения Завальнюка отличаются сюжетностью. Для его поэзии характерна эпическая составляющая, потому во многих поэтических текстах присутствует четкая сюжетная линия. Так, в стихотворении «Поэт» мы можем выделить сюжетную составляющую и героев: врач, больной и поэт. Врач сделал все от него зависящее, и обреченному пациенту остается только надеяться на свое чудесное выздоровление. И как же сложно сохранить веру, когда в тебя не верит никто. Сюжетно и тематически это произведение созвучно стихотворению «Я получил письмо от незнакомки...», написанному в конце 1960-х – начале 1970-х годов, сохранившемуся на машинописных листах в архиве поэта и впервые опубликованному нами в альманахе «Амур», здесь приводим отрывок:

Я получил письмо от незнакомки.

Она писала мне, что, как поэт,

Я мог бы воскресить угасший свет.

И что она, прикованная к койке,

Хотела бы, – пускай не вся, на треть –

Моя любовь чтоб ей принадлежала,

Тогда б она от страха не дрожала

И постаралась бы не умереть.

[Гавриленко, 2018, с. 58]

И если в этом стихотворении, написанном в ранний период творчества, поэт ощущает некую беспомощность и не находит в себе сил помочь

нуждающемуся, то в более позднем стихотворении «Поэт» (2019) он приходит к осознанию силы своего слова, чувствует в себе способность поддержать, вытянуть душу к свету. Эта мысль созвучна строкам Есенина: «Быть поэтом – это значит то же, <...> Рубцевать себя по нежной коже, / Кровью чувств ласкать чужие души» [Есенин, 1995, с. 267]. Только познав боль мира, поэт может излечить своего читателя, спасти его. Ведь еще в ранней лирике звучит идея: искусство и поэт – источник света для окруженного тьмой мира:

– Что есть искусство?
Он сказал:
– Часть света,
Со всех сторон окутанная тьмой.
[Завальнюк, 1963, с. 73]

Душа разверстая его [поэта] –
Волшебный луч, источник света.
[Завальнюк, 1966, с. 23]

Существование поэтов и поэзии в мире своего рода символ веры в будущее, в возможность наступления завтрашнего дня: «Как знак того, / Что «завтра» – есть, / Рождаются поэты» [Завальнюк, 1963, с. 101].

«Рождение стиха»

Но что для поэта создание произведения? Актуальность стихотворения для Леонида Завальнюка подобен появлению на свет ребенка, неслучайно два стихотворения, написанные с разницей в полвека, так и называются: «Рождение стиха» (1959; 2009). Поэт не просто вкладывает идею и мысли, он отдает свою душу, опыт всех прожитых лет:

Как приступ удушья,
Однажды приходит его черед.
И я отдаю ему свою душу,
И он эту душу
Себе берет.

Все, что прожито,
Все, что нажито,
Все, что выстрадал и что берег,
С этой минуты
Становится нашим,
И он тепло моей крови берет.
[Завальнюк, 1959, с. 64]

Появившийся на свет ребенок-стих – плоть от плоти своего творца – выходит в мир. Возникновение его знаменуется появлением на небосклоне новой звезды:

А когда он уйдет по утренней свежести
В честь нового рождения
Зажигать звезду,
У меня на друзей вдруг не хватит нежности,
И я мимо женщины без волненья пройду.
[Завальнюк, 1959, с. 65]

Упоминание зажигания звезды отсылает к стихотворению В. Маяковского «Послушайте!» (1914): «Ведь, если звезды зажигают – / значит – это кому-нибудь нужно?» [Маяковский, 1955, с. 60]. Фраза у Маяковского звучит вопросительно, а сам он пытается осознать предназначение человека в жизни. У Завальнюка звезда – это символ возникновения нового в литературе, в искусстве. Но цена создания настоящих «живых» стихов чрезвычайно высока – опустошение. Как заметил Л. С. Яницкий в работе «Архаические структуры в поэзии XX века», написание стихотворения мучительно сложное явление, связанное с духовной трансформацией автора [прив. по: Яницкий, 2013, с. 23]. Процесс рождения стиха повторяется из раза в раз, но только так, через боль, мучение и любовь создается настоящая поэзия:

И снова буду разбиваться на рифах
Своих упований
И чужих грехов...
Такова по всегдашним
Кровавым тарифам
Номинальная стоимость
Живых стихов.
[Завальнюк, 1959, с. 65]

Совсем иначе о рождении стихотворения Завальнюк написал в последнем прижизненном сборнике «Летела птица» (2009). В момент преднаписания и душа, и тело наполняются энергией, тем, что принято называть вдохновением. Апатия сменяется жаждой действия, стремлением к жизни, воодушевлением, которое невозможно унять:

Давно ничего не хотелось.
Вдруг хочется петь и плясать.
Душа – это б ладно,
Но тело

Желает летать оголтело
И взгляды на женщин бросать.
[Завальнюк, 2009, с. 10]

Здесь рождение стиха не мука, на которую обречен поэт. Акт создания нового творения является экзальтическим порывом:

И вот, запершись в туалете,
Тихонько я спел и сплясал,
А после, при утреннем свете,
На старой какой-то газете
О смерти, о тающем лете
Трепещущий стих написал.
[Завальнюк, 2009, с. 10]

Однако за этим выплеском энергии следует все то же опустошение, о котором Завальнюк написал на заре своего творчества. В том же сборнике в стихотворении «Работа – мой наркотик» (2009) поэт отмечает, что в момент погружения в «стихию стихов» он познает чувство безграничного счастья и любви к миру:

Хорошие, плохие –
Все люди мне родня.

Хожу я, как порхаю.
При том, что грузноват.
Хорошая, плохая –
Любой погоде рад.
[Завальнюк, 2009, с. 23]

Когда же чувство вдохновения, азарта работы уходят, поэт остается один на один с миром – одинокий, опустошенный и обессиленный. И чтобы вновь прийти к состоянию готовности писать ему необходимо просто жить дальше. Источник творчества по Завальнюку – жизнь:

Когда ж стихи уходят,
Я сам себя крушу.
– О небо, дай мне дозу, –
В конвульсиях прошу.

И отвечает небо:
– Хоть ты и так большой,
Но ты забудь об этом
И подрасти душой. <...>

Иной раз годы, годы
Я зрею и расту.
[Завальнюк, 2009, с. 23]

Заключение

Таким образом, обращаясь к теме поэта и поэзии Леонид Завальнюк продолжает русскую литературную традицию. Как и А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, С. А. Есенин, В. В. Маяковский, он размышляет о предназначении поэта и поэзии, о природе вдохновения, но в его лирике отсутствует острый конфликт между читателем и поэтом. Поэзию Завальнюка отличает философичность и ироничность, критичное восприятие себя в литературе. Воспринимая фигуру поэта как нечто исключительно важное для мира, Завальнюк не воспринимает себя гением, сверхчеловеком. Оттого в лирике и нет конфликта с обществом, он оставляет читателю права на критику, а себе право писать, пусть не идеально, но так, как он чувствует – честно.

Поэзия, настоящая, живая, произрастает из любви и сопереживанию миру, из жизненного опыта самого поэта. Неслучайно основной принцип поэзии Леонида Завальнюка: быть всегда предельно честным перед самим собой и перед читателем. А это значит писать только о том, что сам познал и прочувствовал.

Вероятно, именно поэтому стихотворение для Завальнюка подобно ребенку, в которого родитель вкладывает любовь и свой жизненный опыт. Для поэта создание нового произведения становится и счастьем, и мучительным трудом одновременно. Но только так, через порой противоречащие чувства, создается настоящее искусство, призванное осветить человечеству путь.

Библиографический список

1. Гавриленко В. Д. Леонид Завальнюк: знакомый незнакомец // АМУР литературный альманах БГПУ. № 17. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2018. С. 58–63.
2. Гавриленко В. Д. «Сиротское сердце» Леонида Завальнюка: тема одиночества в лирике поэта // Лосевские чтения: материалы региональной научно-практической конференции / под ред. А. В. Урманова. Выпуск 14. Благовещенск : Издательство БГПУ, 2021. С. 81–90.
3. Гайворонская Л. В. 'Поэт' как характерологический текст русской литературы XIX в. (некоторые аспекты) // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та, 2011. № 10. С. 101–104.
4. Геворкян Т. М. Марина Цветаева. Поэт. Прозаик. В человеческом – больше всего – мать. Москва : Собрание, 2017. 512 с.
5. Завальнюк Л. А. «Всё с вами, но не ваш». Избранное. Санкт-Петербург : Алетейя, 2019. 680 с.
6. Завальнюк Л. А. Летела птица. Москва : Время, 2009. 96 с.

7. Завальнюк Л. А. Лирика. Благовещенск : Хабаровское книжное издательство, 1963. 128 с.

8. Завальнюк Л. А. Мой дом. Хабаровск : Хабаровское книжное издательство, 1966. 70 с.

9. Завальнюк Л. А. Моя прописка. Книга стихов. Благовещенск : Амурское книжное издательство, 1962. 88 с.

10. Завальнюк Л. А. На дорогу времени. Благовещенск : Амурское книжное издательство, 1959. 78 с.

11. Завальнюк Л. А. Поле-половодье. Книга стихов. Москва : Советский писатель, 1970. 80 с.

12. Завальнюк Л. А. Рисунок по памяти. Стихи. Москва : Советский писатель, 1982. 119 с.

13. Демьентьев В. В. Личность поэта. Москва : Художественная литература, 1982. 302 с.

14. Есенин С. А. Полное собрание сочинений: В 7 т. Т. 1. Стихотворения. Москва : Наука; Голос, 1995. 672 с.

15. Журавлева О. В. Многоаспектность темы поэта и поэзии в лирике А. С. Пушкина // Известия Самарского научного центра РАН. Спец. вып. 2006. № 4. С. 81–85.

16. Киреева Н. В. Неизвестный Леонид Завальнюк: первые итоги работы над рукописным архивом писателя // Лосевские чтения – 2018: Материалы XI региональной научно-практической конференции. Благовещенск, 2018. С. 57–64.

17. Лермонтов М. Ю. Полное собрание стихотворений: В 2 т. Т. 2. Стихотворения и поэмы. Ленинград : Сов. писатель. Ленингр. отделение, 1989. 686 с.

18. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 1. Стихотворения, трагедия, поэмы и статьи 1912–1917 годов. Москва : Художественная литература, 1955. С. 464.

19. Пушкин А. С. Поэт и толпа // Русская виртуальная библиотека. URL: https://rvb.ru/pushkin/01text/01versus/0423_36/1828/0484.htm (дата обращения: 01.09.2022).

20. Розонова Ю. А. Тема поэта и поэзии в лирике Ахматовой 1909–1921 годов // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 1. № 3. С. 7–16.

21. Слина Э. В. Тема поэта в творческой эволюции Пушкина и в историко-литературном контексте // Творческая индивидуальность писателя и литературный процесс. Вологда : ВГПИ, 1987. С. 3–16.

22. Соловьев В. С. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Философия искусства и литературная критика. Москва : Искусство, 1991. С. 316–370.

23. Яницкий Л. С. Архаические структуры в поэзии XX века. Кузбасс : Кузбассвузиздат, 2013. 135 с.

24. Clive Bush. The Century's Midnight: dissident European and American writers in the Era of the Second World War. Oxford : Peter Lang, 2010. 594 p.

25. Ludger Udolph. Dichter und Dichtung bei E. A. Boratynskij // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1992. Vol. 52. № 1. P. 33–49.

26. Walter Hinck. Magie und Tagtraum. Das Selbstbild des Dichters in der deutschen Lyrik. Frankfurt/M. Und Leipzig : Insel Verlag, 1994. 359 s.

Reference list

1. Gavrilenko V. D. Leonid Zaval'njuk: znakomyj neznakomec = Leonid Zavalnyuk: a familiar stranger // AMUR literaturnyj al'manah BGPU. № 17. Blagoveshensk : Izd-vo BGPU, 2018. С. 58–63.

2. Gavrilenko V. D. «Sirotskoe serdce» Leonida Zaval'njuka: tema odinochestva v lirike pojeta = «Orphan Heart» by Leonid Zavalnyuk: the theme of loneliness in the poet's lyrical works // Losevskie chtenija: materialy regional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii / pod red. A. V. Urmanova. Vypusk 14. Blagoveshensk : Izdatel'stvo BGPU, 2021. S. 81–90.

3. Gajvoronskaja L. V. 'Pojet' kak harakterologicheskij tekst russkoj literatury XIX v. (nekotorye aspekty) = 'The Poet' as a characterological text of XIX century Russian literature (some aspects) // Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta, 2011. № 10. S. 101–104.

4. Gevorkjan T. M. Marina Cvetaeva. Pojet. Prozaik. V chelovecheskom – bol'she vsego – mat' = Marina Tsvetaeva. Poet. Novelist. Mother is most of all in the human being. Moskva : Sbranie, 2017. 512 s.

5. Zaval'njuk L. A. «Vsjo s vami, no ne vash». Izbrannoe = «'Everything with you, but not yours'». Selected works. Sankt-Peterburg : Aletejja, 2019. 680 s.

6. Zaval'njuk L. A. Letela ptica = A bird was flying. Moskva : Vremja, 2009. 96 s.

7. Zaval'njuk L. A. Lirika = Lyrical poems. Blagoveshensk : Habarovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963. 128 s.

8. Zaval'njuk L. A. Moj dom = My home. Habarovsk : Habarovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1966. 70 s.

9. Zaval'njuk L. A. Moja propiska. Kniga stihov = My registration. A book of poems. Blagoveshensk : Amurskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. 88 s.

10. Zaval'njuk L. A. Na dorogu vremeni = To the road of time. Blagoveshensk : Amurskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1959. 78 s.

11. Zaval'njuk L. A. Pole-polovod'e. Kniga stihov = The field-flood. A book of poems. Moskva : Sovetskij pisatel', 1970. 80 s.

12. Zaval'njuk L. A. Risunok po pamjati. Stihy = A drawing from memory. Poems. Moskva : Sovetskij pisatel', 1982. 119 s.

13. Dement'ev V. V. Lichnost' pojeta = The poet's personality. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1982. 302 s.

14. Esenin S. A. Polnoe sobranie sochinenij: V 7 t. T. 1. Stihotvorenija = Complete works: in 7 vols. V.1. Poems. Moskva : Nauka; Golos, 1995. 672 s.

15. Zhuravleva O. V. Mnogoaspektnost' temy pojeta i poezii v lirike A. S. Pushkina = Multidimensional theme of the poet and poetry in A. S. Pushkin's poetry // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra RAN. Spec. vyp. 2006. № 4. S. 81–85.

16. Kireeva N. V. Neizvestnyj Leonid Zaval'njuk: pervye itogi raboty nad rukopisnym arhivom pisatelja = Unknown Leonid Zavalniuk: first results of working on the writer's manuscript archive // Losevskie chtenija – 2018: Materialy XI regional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii. Blagoveshhensk, 2018. S. 57–64.
17. Lermontov M. Ju. Polnoe sobranie stihotvorenij: V 2 t. T. 2. Stihotvorenija i pojemy = Complete collection of poems: In 2 vols. V.2. Verses and poems. Leningrad : Sov. pisatel'. Leningr. otdelenie, 1989. 686 s.
18. Majakovskij V. V. Polnoe sobranie sochinenij v 13 tomah. T. 1. Stihotvorenija, tragedija, pojemy i stat'i 1912–1917 godov = Complete works: in 13 vols. V.1. Verses, tragedies, poems and articles 1912-1917. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1955. S. 464.
19. Pushkin A. S. Pojet i tolpa = The poet and the crowd // Russkaja virtual'naja biblioteka. URL: https://rvb.ru/pushkin/01text/01versus/0423_36/1828/0484.htm (data obrashhenija: 01.09.2022).
20. Rozonova Ju. A. Tema pojeta i poezii v lirike Ahmatovoj 1909–1921 godov = The theme of the poet and poetry in 1909-1921 Akhmatova's poetry // Vestn. Leningr. gos. un-ta im. A. S. Pushkina. 2015. T. 1. № 3. S. 7–16.
21. Slinina Je. V. Tema pojeta v tvorcheskoj jevoljucii Pushkina i v istoriko-literaturnom kontekste = The theme of the poet in Pushkin's creative evolution and in the historical-literary context // Tvorcheskaja individual'nost' pisatelja i literaturnyj process. Vologda : VGPI, 1987. S. 3–16.
22. Solov'ev V. S. Znachenie poezii v stihotvorenijah Pushkina = The meaning of poetry in Pushkin's poems // Filosofija iskusstva i literaturnaja kritika. Moskva : Iskusstvo, 1991. S. 316–370.
23. Janickij L. S. Arhaicheskie struktury v poezii XX veka = Archaic structures in XX century poetry. Kuzbass : Kuzbassvuzizdat, 2013. 135 s.
24. Clive Bush. The Century's Midnight: dissident European and American writers in the Era of the Second World War. Oxford : Peter Lang, 2010. 594 r.
25. Ludger Udolph. Dichter und Dichtung bei E. A. Boratynskij // Zeitschrift für Slavische Philologie. 1992. Vol. 52. № 1. P. 33–49.
26. Walter Hinck. Magie und Tagtraum. Das Selbstbild des Dichters in der deutschen Lyrik. Frankfurt/M. Und Leipzig : Insel Verlag, 1994. 359 s.

Статья поступила в редакцию 20.08.2023; одобрена после рецензирования 09.09.2023; принята к публикации 20.10.2023.

The article was submitted on 20.08.2023; approved after reviewing 09.09.2023; accepted for publication on 20.10.2023.